

Г-н Ч.: Не образумлюсь.
Тов. С.: Виноват!

Из современной постановки
устаревшего классика.

«Писатель — это гонец, который приносит вести о времени. В средние века гонцов, которые приносили плохие вести, убивали. Самые верные вести о своем времени принесли Пушкин и Грибоедов. Вести были плохие, гонцов убили».

Аркадий Белинков.
«Юрий Тынянов».

Возможно, я ошибаюсь, но по-моему, в мировой литературе существует в единственном числе «цепочка конгенитальных книг»: Грибоедов «Горе от ума» — Тынянов «Смерть Вазира-Мухтара» — Белинков «Юрий Тынянов». Грибоедов рассказал о себе подобном, Тынянов — о Грибоедове, Белинков — о Тынянове. Тому, кто будет писать о Белинкове книгу, пригодится все нижеследующее. Оно важно и для тех, кому не надо объяснять, кем был Аркадий Викторович Белинков...

Его жизнь, отраженная в цифрах, выглядит следующим образом: в 22 года — арест и 25 допросов в НКВД, ко дню рождения — приговор: 8 лет лагерей, к тридцатилетию — еще 25 лет лагерей и поражение в правах — 5 лет. Весной 1955 года прокурор отдела по следделам прокуратуры СССР посчитал, что «оснований для пересмотра, принятого по делу решения, не имеется». Весной 1956 года постановили: «Учитывая объяснение, состояние здоровья (инвалид 3-й группы), ограничиться отбытым сроком наказания — из мест заключения ОСВОБОДИТЬ». Итого, чуть менее 13 лет лагерей за литературу, безрассудство и искренность, присущие юности, яркую талантливость.

За полгода до ареста сокурсники выгнали его из комсомола, что было справедливо: зрелый и скептический ум этого полуинвалида (порок сердца), его образованность и отсутствие гибкости позвоночника в отношениях с коллегами и начальством, хотел

К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АРКАДИЯ БЕЛИНКОВА

ГОРЕ УМУ

Глазами НКВД

Протокол допроса

Белинкова Аркадия Викторовича.
31 января 1944 г. —

1 февраля 1944 г.

Допрос начат в 20 ч. 30 м. 31/1.44 г.
Допрос окончен в 4 ч. 00 м. 1/II.44 г.

— Ваше отношение к советскому строю?

— Положительное.

— Так ли это?

— Безусловно так.

— За что же Вы исключены из ВЛКСМ?

— Формулировка решения комсомольской организации мне не объявлена. Но я полагаю, что из комсомола исключен за неправильные взгляды на литературу и искусство и их роль в социалистическом обществе.

— К чему же сводились Ваши взгляды?

— Я был убежден, что литература может и должна развиваться в зависимости от исторической и современной действительности по своим внутренним законам, не считаясь ни с какой идеологией. В связи с этим я пришел к выводу, что литература не играет той роли, которая ей отводится в нашей стране, и на нее не следовало бы обращать столь серьезного внимания. Я считаю, что каждый писатель имеет свой круг читателей и для него только нужно работать, какой бы он ни был по своим размерам. Иными словами для себя лично я считаю, что можно и нужно писать только для избранного круга читателей, хотя бы для пяти человек.

После комсомольского собрания, на котором мои взгляды были подвергнуты резкой критике, я начал понимать, что они являются антимарксистскими и несовместимыми с той политикой советского правительства и коммунистической партии, которую они проводят в литературе и искусстве. Постепенно от этих взглядов я начал отходить.

— Установлено, что Вы враг совет-

ской власти и как таковой до дня ареста занимались антисоветской деятельностью. За нее Вы и арестованы. Что желаете в связи с этим показать?

— Я не враг советской власти и антисоветской деятельностью не занимался.

— Показываете неправду. Ваша антисоветская деятельность нам известна. Приступайте к даче показаний по существу совершенных вами преступлений.

— Антисоветских преступлений я не совершал. Вина моя состоит только в том, что у меня были антимарксистские взгляды на литературу.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

Арк. Белинков.

Допросил. Подпись.

2 февраля 1944 г.

Допрос начат в 21 ч. 10 м. 2/II-44 г.
Окончен в 2 ч. 20 м. 3/II-44 г.

— Вы намерены давать показания о своей антисоветской деятельности?

— Антисоветской деятельностью я не занимался. Признаю свою вину только в том, что у меня были антисоветские взгляды на литературу.

— Речь идет не только о Ваших антисоветских взглядах на литературу, но и о Вашей антисоветской работе.

— Антисоветской работы у меня не было. Что же касается моих антисоветских взглядов, то они изложены в моем неизданном романе «Черновик чувств» и в стихотворении «Русь 1942 года».

Я считаю, что буржуазные государства в отношении демократизма и свободы слова имеют преимущества по сравнению с Советским Союзом. Это убеждение привело меня к тому,

ЧЕРНОВИК
ЧУВСТВ

NATURE MORTE
В 14 АНЕКДОТАХ
С ЭПИГРАФАМИ
И ПРЕДСЛОВИЯМИ
С ПОРТРЕТОМ
АВТОРА
А ТАКЖЕ
СПОДЛИМЫМ
ИМЕНЕМ
ГЕРОИНИ
ПРОТИВОРЕЧИЯМИ

что я чувствовал себя в Советском Союзе чужим человеком, эмигрантом! Отсюда и строки в моем романе: «Эмигрант я. Мы тайно живем в России с какими-то заграничными паспортами, выданными «обществом друзей Советского Союза».

В связи с этим же я писал о «тягостной поре диктатуры пролетариата», которая мешала, как я полагал, свободному развитию индивидуальности художника.

В ряде мест романа есть утверждения, опорочивающие советскую действительность. К ним относятся строки о том, что в Советском Союзе сажают в тюрьму людей за то, что они рискнули пройти по улице «имени пролетарского писателя Горького в разноцветных штанах», а также о том, что «пролетариат не делает искусства по своему образу... а делает какие-то странные вещи, похожие на него подвыпившего и все... улыбающегося».

В стихотворении «Русь 1942 года» строками: «Трудно сказать, что ей (России) лучше — краткий курс или белых церквей малиновый звон» я ставил вопрос о том, что же лучше для России — идеология марксизма-ленинизма или религиозные убеждения.

— Ваши показания по этому вопросу не соответствуют действительности. В проведении этой работы Вы будете избалованы. А теперь остановимся на Ваших показаниях. Вы признали, что:

1. Писали произведения антисоветского содержания;
2. Эти произведения давали читать своим знакомым;
3. Высказывали антисоветские взгляды на советскую литературу и советскую демократию.

После этого не ясно — почему же Вы заявляете о своем положительном отношении к советской власти?

— В целом к советской власти я относился положительно. Но к политике советского правительства в области литературы я относился враждебно и считал, что в Советском Союзе отсутствуют свобода печати и свобода слова. Эти взгляды я не отождествляю с советской властью.

Ответы записаны с моих слов верно и мною прочитаны.

Арк. Белинков.

Допросил. Подпись.

«Утверждаю»

«12» февраля 1944 г.
Нач. Следотдела УНКГБ МО
Подполковник Госбезопасности

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о предъявлении обвинения)

Город Москва 1944 г. февраля «12» дня. Зам.нач. 2-го отделения Следотдела Управления НКГБ СССР по Москве и Московской области — Капитан Госбезопасности — Н., рассмотрев следственный материал по делу №31 и приняв во внимание, что Белинков Аркадий Викторович достаточно избаловывается о том, что будучи враждебно настроен к Советскому строю, в кругу знакомых лиц высказывал свои антисоветские убеждения и клеветнические измышления о советской действительности и руководителей Советского государства.

Наконец, несут... долгожданный, ароматный, в горшочке, дымящийся... У Шалвовича подергиваются усы... но горшок горячий — Шалвович обжигается. Мы с Верико затанцевали дышанье. Что сейчас будет?!.. Господину Перадзе никак не удается подступиться к супу, он просовывает ложку то слева, то справа, но ничего у него не получается: суп покрыт золотистой корочкой запеченного сыра... он пристает к ложке и тянется, тянется, тянется, бесконечно тянется...

Шалвович отрывает его рукой, и сыр прилипает к пальцам... он высоко поднимает руки и оказывается не то перед арфой с сырными струнами, не то перед поремной решеткой... В отчаянии он опускает руки на стол...

— Издевайтесь, что ли, зачем заказала этот дурацкий суп?! — Я пытаюсь ему показать, как надо есть, но он одергивает меня: не нужны ему учителя — он сам ученый!

Когда он поднял горшок, я инстинктивно пригнулась, боясь, что тот полетит в мою сторону. Однако напрасно. Шалвович приложился к горшку губами и пытался выпить суп «из горла». Но из этого у него ничего не вышло: сыр пристал к его усам и, свисая нитями, опять потянулся. Бедный Шалвович вконец запутался и был похож на муху, попавшую в паутину: он барахтался, делая хаотические движения, без какой-либо надежды выпутаться.

Я тихонечко встала из-за стола и, на всякий случай, в целях безопасности, направилась в сторону туалета. С соседних столиков на меня сочувственно глядели. В дверях я оглянулась. Шалвович зарылся в горшок рылом и миглом проглотил его содержимое.

А я не знала, плакать мне или смеяться. Калбатону оставилась в свою пустую кофейную чашку. Казалось, она вот-вот потеряет сознание, до того была бледная!

Когда я вернулась к столу, Шалвович казался утучненным. Однако в мою сторону даже не взглянул. Он был обижен.

Горшок был начисто вылизан.

— Теперь — пива! И рыбу к пиву! Жареную! — скомандовал он, на этот раз веселее, стукнув по столу кулаком.

На огромном овальном блюде испуганный официант нес малюсенькую золотистую рыбку. Ему очень хотелось угодить капризному клиенту. Но и на этот раз Шалвович остался недоволен.

— Слушай, смотри как пожарили, совсем сухая! Плохой ресторан. — мрачно заключил он, залпом опорожня огромнейший бокал холодного «Кроненбурга».

В этот вечер мы с Верико так ничего и не поели. Все были заняты господином Перадзе. Больше и в этот ресторан мы не пошли.

Шалво Шалвович был явно не в духе. Поэтому он решил прогуляться один. Мы с Верико поднялись в номер. Она еле держалась на ногах.

— Я не хотела выходить за него замуж. Я была из знатного рода, а он из крестьянской семьи. Но так был влюблен в меня, так просил, так умолял, обещал, что устроит мне королевскую жизнь, что я уступила. Он, правда, все делал как обещал, но вот иногда с ним такое случается. Ну, правду скажи, ну, что это за ресторан?! Безобразие! Даже обидно. Знаешь, как я готовлю?! Мы так не привыкли.

— Тащи-туши, тащи-туши... — вдруг раздалось со стороны двери.

В номер ворвался Шалвович, держа над головой какой-то сверток. Вид у него был счастливым.

— Слушай, какой запах! Совсем как грузинский. Прямо на улице купил, не выдержал... — Тащи-туши, тащи-туши, — пританцовывал он, жадно пожирая колбаску мергез, купленную у араба прямо на улице, у входа в парк Тюльери.

Париж

Окончание следует.

Продолжение на стр. 12

он того или нет, кололи глаза и мешали стать на смену писателям-профессионалам: верным сынам коммунистической партии.

Шла война, и все, что делал и говорил А.Белинков, звучало резким диссонансом общепринятому и понятному. Литератор-рецидивист не изменил себе и в дальнейшем. Писательская среда у нас и академическая — на Западе одинаково отторгали еретика...

Он умер, не дожив до 49 лет. В этом году исполнилось 25 лет со дня его смерти. В сентябре следующего года ему исполнилось бы 75.

Сегодня живы многие, знавшие Аркадия Белинкова. Пусть этот материал напомнит им о долге: книга воспоминаний и документов об этом выдающемся ученом и человеке нужна не только и не столько им — она нужна людям, оглушенным телепропагандой, враньем, ставшим тотальным, сладкоголосыми генералами, воевавшими на паркетах, и суровыми актерами, желающими научить соплеменников «правде жизни»... Словом — она нужна людям, живущим сегодня на территории бывшего Советского Союза, оглушенным и растерянным. Пример жизни и творчества Аркадия Белинкова поможет не больше, чем вообще в состоянии помочь любая, самая прекрасная книга. Но это дело, кажущееся поначалу безнадежным, необходимо делать. Многие безнадежные дела в загадочной и непредсказуемой России осуществлялись, хотя и не всегда во благо...

Справедливо, если эту работу возьмется координировать и направлять вдова писателя — Н.А.Яблокова.

ГРИГОРИЙ ФАЙМАН

Москва

— Мы ведь платили в Москве, — объяснила жена. — Но это ничего, срулила, главное, что теперь Шалико Шалвович успокоился, теперь он доволен.

Вид у него действительно был довольный, когда он рассказывал по просторному салону своего пятизвездочного номера. Мне вдруг показалось, что я его знаю, что где-то уже его видела... Бог ты мой, да это ж Иосиф Виссарионович! Вылитый Сталин! То же лицо, та же походка, манеры... Налю же! Только без трубки...

— Ва то! Пусть все узнают! Шалико Шалвович Перадзе приехал! Президент! Директор коммерческого банка «Гигант»! Президент международного клуба банкиров! Президент! Шутите, что ли?! — протянул он мне свою визитную карточку.

Питались мы в лучших ресторанах Парижа. Вернее, в лучшем, в одном. Выходить из гостиницы супругам не хотелось, да они и не очень могли: артрит, ревматизм, невралгия и всякие прочие старческие дела, к тому же, как назло, в Париже стояла сырая, дождливая, пасмурная погода, так что пришлось ограничиться ресторанами гостиницы, благо их было много.

В первый же день мы здорово отличились. Думаю, там нас вовек не забудут. Итак, меню — 500 франков на персону. Бери, выбирай, что хочешь — сервис свободный.

— Это дорого, — предупредила я. Они ведь еще понятия не имели о ценах.

— Какое там дорого, о чем говоришь?! О деньгах не думай. Я плачу!

Наш стол ломился от яств. Шалико Шалвович перепробовал всё, все блюда подряд, без исключения. Мы с Верико были скромнее, но во время десерта и мы «оверели», не выдержали. Замысловатые пирожные, всевозможные муссы, незнакомые экзотические фрукты — все было настолько соблазнительно, что устоять было просто невозможно.

Зрелище было ужасное! Вели мы себя, как настоящие варвары: оставили всё на столе недоеденным... Нам было стыдно, но мы не могли удержаться. Какой-то азарт подогревал и толкал нас на это. Может быть, так, инстинктивно, мы метили за нашу голодную жизнь в России.

Больше в этот ресторан мы не пошли. На следующий день я чуть опоздала к ужину. Шалвович, уже при галстукке, нервно рассказывал по своему огромному салону — кабинету, излучая недовольство и раздражение. Он был, вероятно, голоден и поэтому зол. Мы быстро спустились в холл и выбрали новый зал, в котором нас еще не знали.

В ресторане царил аристократически-таинственная тишина... Откуда-то издали доносилась нежнейшая музыка Вивальди. Повсюду горели свечи... полумрак... полутона — все располагало к романтически-утонченному вечеру. Однако... не тут-то было!

Перед нами мгновенно вырос официант и, галантно пританцовывая, предложил аперитив. Супруги вопросительно уставились на меня.

— Это для аппетита... здесь так принято, — как бы оправдываясь объяснила я.

Шалвович механически процедил «коньяк», но видно было, что ему совершенно не хочется. Жена пожалала плечами, «раз принято — кофс». От аперитива я скромно отказалась, попросив лишь стакан холодной воды.

Бедные и так заждались меня, а тут их опять заставляют ждать!

— Пива! — через секунду передумал Шалвович.

Приняв странный заказ и в знак удивления высоко приподняв брови, официант, пританцовывая, удалился. Наступила напряженная тишина. Вдруг Шалвович вскопил как ошпаренный и на весь ресторан что было мочи взревел:

— Слушай, какой аперитив?! Кушать хочу! Ку-шаааать! Суп хочу... — чуть не плача запричитал он. Глаза его налились кровью. Я не на шутку перепугалась. Сталин во гневе! Разъяренный мужик в люксе — жутковатое зрелище.

На крик сбегались все работники ресторана, включая полицию. Извиняюсь, объясняю, что гость из Союза, голодный, мол, нужно срочно его накормить...